

**РОЛЬ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ
В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТОПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОБЪЕКТОВ**

А. В. Боровкова

**THE ROLE OF FOOD METAPHOR
IN THE CHARACTERIZATION OF TOPOLOGICAL PROPERTIES OF OBJECTS**

A. V. Borovkova

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-04-00207 а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014 – 2016 гг.

В статье анализируется роль образных средств языка, транслирующих пищевую метафору, в характеристике топологических свойств объектов. Описывается методика анализа концептуализации формы, размера и положения в пространстве предметов посредством пищевой метафоры на материале образных слов и выражений, мотивированных наименованиями блюд и продуктов питания. Предлагается классификация топологических типов объектов. Данная классификация выстроена на основании того, какие формы и размеры объектов поименованы в русском языке посредством пищевой метафоры, а также с учетом сочетаемости описываемых образных средств с другими словами. Выявляется оценочная семантика изученных образных единиц.

The article analyzes the role of figurative means of language reflecting the food metaphor, in the characterization properties of topological objects. It describes the analysis technique of conceptualization of the shape, size and position of objects in space through food metaphors on the material of figurative words and expressions motivated by names of dishes and food. The article proposes a classification of topological types of objects. The classification reflects the form and size of the objects called by food metaphors in the Russian language, and compatibility of the figurative lexis with other words. The article determines the evaluative semantic of the figurative words in question.

Ключевые слова: метафора, пищевой код культуры, образная лексика и фразеология, картина мира, топологическая функция метафоры.

Keywords: metaphor, food code of the culture, figurative lexis and phraseology, picture of the world, topological function of metaphor.

В современной лингвистике актуальным является изучение когнитивной метафоры, под которой понимается познавательный и мыслительный процесс, заключающийся в осмыслении одних явлений окружающей действительности в терминах других категориальных сфер (М. Джонсон [6], Дж. Лакофф [6], Р. Гиббс, Э. Маккормак, В. Эванс, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов [13] и др.). Связь между двумя различными понятийными сферами, складывающаяся в сознании человека, образует метафорическую модель, которая может быть схематично представлена в соотношении «X – это Y» (Дж. Лакофф и М. Джонсон [6]). Современными исследователями выделяются и описываются различные метафорические модели, демонстрирующие универсальные и национально специфичные направления метафорических переносов: зооморфные «Нечто – это Животное», фитоморфные «Нечто – это растение», антропоморфные «Нечто – это Человек» и т. п. Наше исследование посвящено изучению и описанию пищевой метафоры, представленной в виде модели «Нечто – это Еда».

Актуальность изучения пищевой метафоры обусловлена тем, что гастрономическая деятельность является необходимой составляющей жизнедеятельности человека, различные кулинарные образы отражают специфику национальной культуры и наполнены символическим содержанием. Образы еды «ощутимы, зримы, понятны и узнаваемы» [15, с. 12], поэтому участвуют в концептуализации представлений человека о мире. Пищевая метафора исследовалась в разных ас-

пектах: анализировалась роль пищевой метафоры в различных типах дискурса (А. С. Бойчук [1], Т. В. Максимова [7]; Е. Е. Меньшикова [8]; А. Р. Шхумишхова [14] и др.); осуществлялся сопоставительный анализ пищевой метафоры в русском, английском, французском, итальянском и других языках (Е. М. Кирсанова [5], О. А. Дормидонтова [3], Е. А. Юрина [16] и др.). В настоящее время группой томских исследователей под руководством доктора филологических наук Е. А. Юриной осуществляется проект комплексного описания пищевой метафоры, подразумевающий исследование реализации кулинарного кода культуры в образной лексике и фразеологии русского языка (Е. В. Капелюшник [4]); анализ миромоделирующего и аксиологического потенциала пищевой метафоры (А. В. Боровкова [2], Е. А. Юрина [17]), ее лексикографическую репрезентацию (М. В. Грекова и Е. А. Юрина [18], «Словарь русской пищевой метафоры» под редакцией Е. А. Юриной [11]).

Объектом нашего исследования выступают образные слова и выражения различной структуры (языковые метафоры, сравнительные обороты, образные слова с метафорической внутренней формой, двухкомпонентные номинации, идиомы), реализующие пищевую метафору. Цель статьи заключается в выявлении роли пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов. Топологическими свойствами называют параметры формы, соотношение формы и размера, расположение предмета в пространстве. По словам Е. В. Рахилиной, топологический тип объекта – это «совокупность функционально

значимых характеристик его формы и размера, взятых в единстве, другими словами, пространственный образ объекта, подчиненный особенностям его функционирования» [10, с. 154]. В качестве материала исследования были использованы лексические и фразеологические единицы, образно мотивированные наименованиями блюд и продуктов питания и вошедшие в первый том «Словаря русской пищевой метафоры» [11], в семантике которых отражены характеристики формы, размера и положения предметов в пространстве; а также контексты, демонстрирующие их речевое употребление, извлеченные из контекстной базы Национального корпуса русского языка [9].

Топологические свойства объекта являются неотъемлемой частью его визуального облика: невозможно представить себе какой-либо предмет, не зная его форму и размер. Е. В. Рахилина указывает на то, что наглядный способ презентации объекта лучше объяснительного: «Картинка проще слов. Рисунок является пространственной моделью, отображающей то, как человек воспринимает окружающее его пространство» [10, с. 235]. Чтобы подтвердить данный тезис, сравним два выражения с одним и тем же значением, характеризующие размер и форму объекта: «с горошину» и «мелкий шарообразный предмет». Первое выражение, построенное на сравнении, вызывает в сознании адресата образ горошины, форма и размер которой являются эталонными и легко воспроизводятся в виде картинки в сознании носителя языка. Второе выражение требует выполнения когнитивной операции, состоящей из соотнесения объекта с шаром (концептуализация формы), а затем представления его небольшого размера, который носителями языка может осознаваться по-разному (концептуализация размера).

Исследование роли пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов предусматривает описание фрагмента русской языковой картины мира, связанного с образной интерпретацией таких категорий, как размер, форма, положение в пространстве. Описание топологических свойств объекта посредством пищевой метафоры и их концептуализации в сознании носителей языка потребовало выполнения пошаговой методики анализа:

1. Выявление лексических и фразеологических единиц, образно характеризующих форму, размер и положение в пространстве (*как яблоко* – ‘о чем-л., имеющем шарообразную форму’, *крошка* – ‘предмет нестандартно маленького размера’ и др.).

2. Анализ их семантики и контекстного употребления, позволяющий выявить типы объектов, топологические свойства которых характеризует пищевая метафора. Например, сравнение *как яблоко* согласно проанализированным контекстам характеризует фигуру человека, округлую форму частей тела (лицо, грудь, щеки), округлые предметы / артефакты (каблуки, огни светофоров), натурфакты (звезды, луна); языковая метафора *крошка* называет мельчайший частицы каких-л. застывших веществ, материалов, небольшие предметы.

3. Классификация образной лексики и фразеологии с точки зрения выражения топологических характеристик различных объектов.

4. Описание системы образной концептуализации топологических свойств объектов посредством пищевой метафоры.

5. Анализ оценочной семантики отобранных единиц и выявление критериев ценностного отношения к параметрическим свойствам объектов.

Форма может иметь различные виды схематической репрезентации в сознании человека, которые находят свое отражение в языке. В. М. Топорова в статье «Типология языковых концептов пространственной формы» [12] выделяет следующие типы репрезентации формы: на уровне восприятия видимой границы предмета (очертание, контур), на уровне плоскостного восприятия (силуэт, профиль), на уровне выделения структурной схемы [12, с. 216]. В своей статье В. М. Топорова замечает, что восприятие пространства и формы основывается на представлениях о геометрии Евклида, что закреплено в значениях языковых единиц. Однако в сознании человека существуют не только **геометрические эталоны формы** (круг, квадрат, треугольник, шар, конус, цилиндр и т. д.), но и **предметно маркированные эталоны**, входящие в систему бытовой пространственной ориентации людей и подразделяющиеся на три подтипа: предметно маркированные абстрагированные конфигурации и топологические схемы предметов, соотносящиеся с определенным геометрическим образом (чаша – полушарие, кольцо – круг и т. д.); усложненные конфигурации и топологические схемы, абстрагированные от конкретных предметов и ставшие эталонами в сознании носителей языка (гриб, воронка, груша и др.); структурные схемы предметов (дерево, елочка и др.) [12, с. 216]. Таким образом, автор разграничивает геометрические и предметно маркированные концепты формы.

Другую классификацию предлагает Е. В. Рахилина в своей монографии «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» [10]. Анализируя основания сочетаемости прилагательных, называющих размер и форму, с предметными именами, она, вслед за Л. Талми, выделяет различные топологические типы: круглые объекты, плоские объекты, вытянутые объекты, бесформенные объекты, емкости (контейнеры, вместилища), стержни, плоскости и др. Эти топологические типы «как бы вбирают в себя сложные наборы признаков, которые пытались отразить структурные описания, и являются для антропоцентричного подхода к языку ясной альтернативой евклидовой геометрии: они объясняют, в частности, почему в языке, в отличие от геометрии не у всякого объекта есть измерения» [10, с. 120]. Разница топологических типов объектов в классификациях В. М. Топоровой и Е. В. Рахилиной объясняется задачами, стоящими перед исследователями. Классификация В. М. Топоровой составлена таким образом, чтобы объяснить процесс концептуализации формы в сознании человека, в то время как типы в классификации Е. В. Рахилиной, характеризующиеся свойственным лишь им набором измерений, позволяют объяснить с когнитивной точки зрения процесс сочетаемости одних слов с другими.

В нашем исследовании классификация топологических типов выстроена на основании того, какие

формы и размеры объектов поименованы в русском языке посредством пищевой метафоры, а также с учетом того, топологические свойства каких явлений действительности характеризуются носителями русского языка посредством пищевой метафоры. Так, опираясь на классификацию В. М. Топоровой, мы выделяем три основных типа формы:

1) предметно маркированные конфигурации и схемы, соотносящиеся с геометрическим образом (*баранка, калач, лепешка* и др.);

2) усложненные конфигурации (*груша, гриб, крендель* и др.);

3) структурные схемы предметов (*творожистый, блинчатый* и др.).

Первый тип представлен языковыми единицами, мотивированными наименованиями блюд и продуктов питания, соотносимыми с такими геометрическими образами, как круг, квадрат, линия, шар, цилиндр, эллипсоид, которые различаются между собой не только формой, но и наличием/отсутствием объема.

При характеристике контуров объектов или плоских предметов задействованы геометрические образы круга, квадрата, линии.

Круг. Форма круга отражена в семантике таких единиц, как *в горох* 'узор в виде кружков', *в яблоках* 'окрас лошади в виде круглых пятен', *баранка, баранкой, бублик, как бублик, форма бублика, калач, калачом, каралька* – 'о предметах, имеющих форму кольца', *блин, как блин, блином, блинный, сплющиться в блин, блинообразный, лепешка, как лепешка* – 'о плоских круглых предметах', *яблочко* 'мишень', *как ягодка, ягодкой* – 'о небольших округлых предметах', *пельмени, как пельмень, пельмешком, (как) вареники* – 'об ушах'. Несмотря на то, что семантика данных образных единиц связана с характеристикой одного типа формы, они употребляются в сочетании с разными объектами. Так двухкомпонентные образные номинации *в горох* и *в яблоках* называют узор на ткани и окрас лошади (соответственно) в виде кругов, метафора *яблочко* обозначает нарисованную круглую центральную часть мишени. Блин и лепешка выступают образными эталонами для характеристики круглых и плоских предметов, а также предметов, расплюснутых в результате деформации. Например, метафора *блин* называет крышки люка, металлические диски, небесные светила, круглое лицо, а также сплюснутые под внешним воздействием головные уборы, подушки: «*Она вспоминала, как в больнице мать, свернувшись в комок, держалась костяной ручкой за прут кроватной спинки, а грязный блин подушки лежал у нее на плече*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки). Блин и лепешка как пищевые продукты характеризуются постоянным признаком – круглой формой, но при метафорической номинации на первое место выходит другое их свойство – плоский: «*Он дотил банку, нажал сверху подошвой, сплющил, продавливая мох. Сложилась железная лепешка*» (С. Шаргунов. Вась-вась). Баранка, бублик, каралька, калач чаще выступают эталонами для объектов, которые обладают временным свойством закругленности, получив такую форму в результате внешнего воздействия (заплетенные в кольцо косы, закрученные волосы) или самостоятельно стре-

мясь приобрести ее (поднятый вверх закругленный хвост животных; сложенные друг на друга руки, образующие круг; согнутое положение тела): «*Пиеничным калачом заплетена коса вокруг милой головы моей уездной музы, в ком сочетается неяркая краса крестьянской девушки с холодностью медузы*» (В. Катаев. Трава забвенья). Образные единицы *как ягодка, ягодкой, пельмени, как пельмень, пельмешком, (как) вареники* употребляются по отношению к округлым частям лица: оттопыренные уши сравниваются с варениками, пельменями; глаза и рот уподобляются ягодкам.

Квадрат / прямоугольник. Мы объединяем эти две геометрические фигуры в связи со слабой их противопоставленностью в бытовой характеристике формы. На подобный факт также указывает в своей статье В. М. Топорова, замечая, что квадрат и прямоугольник часто отождествляются по признаку наличия прямого угла, и фраза «квадрат окна» вовсе не обязательно обозначает окно правильной квадратной формы [12, с. 217]. Форма квадрата посредством пищевой метафоры представлена в образных единицах *вафля, как вафля, вафельный*, характеризующих клетчатый отпечаток на ткани или другой поверхности: «*Он нацепил темные очки и поплелся умываться, перекинув через плечо не очень чистое вафельное полотенце, которое ему вручил его хозяин*» (Д. Глуховский. Метро). К этой же группе отнесем образные единицы *кочерыжка, словно вобла, как килька, (как) селедка*, употребляющиеся по отношению к очень худому человеку. В семантике данных единиц не прослеживается характеристика формы, указываются только объемы, но так как все единицы характеризуют фигуру человека, можно говорить о том, что они отсылают к образу плоского прямоугольника: «*Я девушка довольно выскокая, 179 см. И при этом худая как селедка*» (Коллективный).

Линия / полоска. Образным эталоном для характеристики линии выступает лапша (*лапша, как лапша* 'о предметах, имеющих форму тонких длинных полосок' – чаще о проводах, шнурах): «*Шнурки, завязанные как лапшу, выдергивает*» (А. Иличевский. Перс).

Отдельную группу в классификации формы составляют объемные предметно маркированные образы, которые соотносятся с такими геометрическими фигурами, как шар, цилиндр, эллипсоид.

Шар. Форма шара отражена в семантике образных единиц *горох, горошина, как горох, как яблоко*, называющих различные артефакты и натурфакты шарообразной формы (капли воды, град, плоды растений, бусины, небольшая опухоль, небольшие глаза и т. п.). К этой же группе отнесем образные слова *пампушка, (как) пончик, пышка, (как) булочка, как тыква, как репа, кочан*. Пышные, объемные, мягкие хлебобулочные изделия округлой формы характеризуют шарообразную фигуру и округлые части тела: «*Он почти всю дорогу нес девочку на руках, целовал ей ручки и щечки-пампушки и разговаривал с ней, сам такой же белокурый и голубоглазый, как она*» (А. Фадеев. Молодая гвардия). Сравнения *как тыква, как репа* и метафора *кочан* называют голову человека, уподобляя форму и размер этих овощей парамет-

рам головы: «Он крутит **круглой, как репа, головой, восковая спелость которой выдает ее возраст**» (В. Скрипкин. Тинга). В этих образных единицах характеристика топологических свойств головы чаще имеет фоновое звучание, основное значение заключено в передаче отрицательной оценки умственным качествам человека: «**Чтобы слопать еще такое, чтобы моя **бестолковая тыква** или перестала ныть или совсем отсохла что ли, как ненужный и чужеродный придаток организма «приличной» женщины**» (Л. Кузнецова. Метрономом по тыкве).

Цилиндры / стержни. Форма цилиндра посредством пищевой метафоры может быть охарактеризована лексемами **колбаса, колбаска, колбаской, как огурец** – ‘о предметах в форме длинного узкого цилиндра, **как сосиска, (как) сардельки** – ‘о толстых пальцах. Образные единицы (**как) сардельки, как сосиска** содержат в себе отрицательную эстетическую оценку и характеризуют толстые пальцы человека, напоминающие цилиндры: «**Вчера ушиб руку на волейболе, и к утру пальцы распухли, как сосиски в кипятке**» (Ю. Даниэль. Письма из заключения). Оставшиеся единицы не характеризуют человека, а используются для номинации формы различных вытянутых предметов (шланг, ветроуказатель, шнур), твердых веществ, сформированных в виде цилиндров (тесто, пластилин и т. п.), животных с вытянутым длинным телом (ящерица, змея): «**Откуда-то сбоку появилось приземистое, почти не выделяющееся среди травы тёмно-бурое тело. Оно замерло поблизости от нашей приманки, а затем начало **вытягиваться в длинную колбасу****» («Наука и жизнь»).

Эллипсоид. Форма эллипсоида концептуализируется путем пищевой метафоры в словах **лимонка** – ‘ручная граната, по форме и размеру напоминающая лимон, **яйцевидный, яйцеобразный, яйцеголовый, форма яйца** – ‘о предметах овальной формы с одним суженным и другим расширенным концами. Образное слово **яйцеголовый** может в зависимости от контекста выражать амбивалентные оценки: отрицательную эстетическую оценку, характеризуя форму суженной кверху головы, и положительную интеллектуальную, связывая такую форму головы с наличием у человека эрудиции. Оставшиеся единицы характеризуют форму различных частей растений (листья, плоды или семена, форма кустарников, крона деревьев) или человеческого тела (живот, голова, макушка, череп).

Вторая группа классификации по форме включает образные слова, называющие усложненные конфигурации, не соотносимые с определенной геометрической формой, при этом сама форма пищевого продукта становится эталонной, абстрагируется от конкретного предмета и используется для характеристики других предметов подобной формы. К этой группе относятся образные языковые единицы **крендель, кренделем** – ‘о предмете в виде восьмерки или буквы «В», **груша, грушей, грушевидный** – ‘о предмете, имеющем форму суженного посередине округлого конуса, **луковица, луковицей** – ‘о чем-л., округлом внизу и резко суженном и заостренном кверху, **словно гриб, грибовидный** – ‘о предметах с расширенной округлой верхней частью и удлиненным суженным основанием, напоминающих по форме **гриб, миндалевид-**

ный, миндальный – ‘о чем-л., имеющем форму вытянутого овала с одним округлым и другим заостренным концом. Крендель выступает образным эталоном для характеристики любых замысловатых предметов, имеющих сложную конструкцию («**круглые примерочные похожи на какие-то футуристические кренделя**»), о ручном замысловатом зеркале в виде знака бесконечности), закрученных частей тела человека и животных (о хоботе, хвосте, о положении рук или ног, о теле человека, выполняющего гимнастическое упражнение), женской причёске со скрепленными на затылке двумя косами, напоминающей по виду букву «В»: «**Известный эстрадный артист Иван Байда скрючивался кренделем, и его голова оказывалась сзади между ног**» (В. Давыдов. Театр моей мечты). Груша чаще выступает образным эталоном для наименования различных предметов, напоминающих ее по форме (боксерская груша, микрофон, резиновая клизма, клаксон, лампочка), плодов других растений, но также используется при обозначении женской фигуры с узкой талией и выраженными бедрами: «**Станция была беспорядочно освещена болтающимися то тут, то там несильными грушевидными лампочками, костров на ней не было совсем – очевидно, здесь это не разрешалось**» (Д. Глуховский. Метро). Метафора **гриб** обычно называет предметы на тонкой ножке (светильник), облако, возникающее после ядерного или термоядерного взрыва, скрюченного человека или человека в широкополой шляпе: «**Румяная, толстенная, в большой круглой шляпе, она в самом деле была похожа на гриб**» (Л. Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз). Круг предметов, именуемых образным словом **грибовидный**, шире. **Грибовидный** называет различные объекты, расширенные кверху (кресло с широкой спинкой, кораллы, ядерное облако, шляпа, тела мельчайших организмов, лампа, якорь). Образные единицы **миндалевидный, миндальный** называют глаза, имеющие форму миндального ореха, и обычно в контекстах выражают положительную эстетическую оценку: «**У нее мелкие черты лица, но миндалевидные, пушистые от ресниц, глаза, выразительная мимика слишком подвижных губ и трогательная угловатая грация в движениях**» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Третья группа представлена лексемами, которые называют объекты, обычно не идентифицирующиеся по форме, но имеющие определенную структуру или особое положение в пространстве. В эту группу вошли образные единицы **блинчатый** ‘многослойный, состоящий из складок, **зерненный, зернистый, творожистый, крупитчатый, сахаристый** – ‘о предметах, состоящих из мелких частиц или деталей, **мучнистый** ‘порошкообразный, **как баранки** ‘о предметах, нанизанных на веревку. Образные слова **зерненный, зернистый, творожистый, сахаристый, мучнистый, крупитчатый** характеризуют вещества, продукты, натурфакты, которые структурированы из более мелких частиц (песок, творог, икра, снег, град, пыль, порошок): «**Камни ушли в творожистую массу, и автомобиль увяз по двери**» (В. Соловьев. Транссахара). Образная единица **блинчатый** отражает слоистую структуру объекта, характеризуя мятую, будто состоящую из нескольких слоев одежду, а так-

же нависшие складки кожи человека, и выражает отрицательную эстетическую оценку: *«Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус»* (В. Дунинцев. Белые одежды). Сравнение *как баранки* уподобляется по отношению к различным предметам, которые связаны между собой веревкой или нанизаны на проволоку: *«Парень беспрерывно таскал вверх-вниз то мешки с картошкой или сетки с луком, то гантели, то связки разнокалиберных подшипников, нанизанных на проволоку, как баранки»* (А. Иличевский. Матисс).

В сознании человека форма зачастую оказывается связанной с размером, структурой и консистенцией объекта. Так текучие, вязкие или состоящие из мелких частей блюда образно характеризуют бесформенные объекты, обычно называя фигуру человека. Например, тесто, квашня, под влиянием температуры становящиеся более объемными, или полужидкий кисель, меняющий свою форму в зависимости от посуды, в которой находится, образно ассоциируются с бесформенной толстой фигурой человека, выражая отрицательную эстетическую оценку: *«Сытый запах каравая, только что вытасченного из печи, окружал эту пухлую женщину, а грудь ее, начинавшаяся под шеей, напоминала тесто, переполнявшее квашню»* (А. Азольский. Диверсант); *«Он рыхлой квашней лежал в черном офисном кресле, утопив плоскую голову в квадратные плечи, посверкивал маленькими злыми глазками, как из норки»* (В. Левашов. Заговор патриота).

Репрезентируя форму предмета с помощью языковых средств, отражающих пищевую метафору, адресант нередко уточняет и размер этого предмета. Это

возможно потому, что продукт, лежащий в основе метафорической проекции, часто может являться эталоном не только определенной формы, но и размера. Сравнения *с горошину, с грецкий орех, с апельсин, с кочан* отсылают к образу денотата, который позволяет идентифицировать не только размер предмета, но и его форму – шар: *«Справа на стене, над головой майора, висели огромные часы в деревянном футляре с блестящим маятником, размером с апельсин»* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике). Напротив, форму слишком маленьких предметов сложно определить невооруженным глазом, и в сознании человека они воспринимаются как круглые или овальные, поэтому соотносятся с зернами (*зерно, с рисовое зернышко*): *«По всем расчетам, в начале июня, то есть в тот день, когда мама, неся меня под сердцем, отправилась в путь, я был величиной с рисовое зернышко»* (Р. Нахапетов. Влюбленный).

Образная лексика и фразеология, мотивированная наименованиями блюд и продуктов питания, участвует в топологической характеристике объектов, называя их форму, размер или положение в пространстве. При анализе пищевой метафоры были выделены три группы образных единиц, характеризующих объекты, форма которых соотносится с геометрическими фигурами; имеет сложную конфигурацию, не соотносимую с геометрической формой; характеризуется определенной структурой или положением в пространстве. Анализ оценочной семантики образных средств, транслирующих пищевую метафору, показал, что языковые единицы называющие параметры фигуры человека и его частей тела всегда выражают эстетическую (чаще отрицательную) оценку.

Литература

1. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 25 с.
2. Боровкова А. В. Метафоризация наименований растительной пищи в русском языке: семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 21 – 27.
3. Дормидонтова О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
4. Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 199 с.
5. Кирсанова Е. М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 294 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387 – 415.
7. Максимова Т. В. Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2013. № 4. Т. 1. С. 176 – 180.
8. Меньшикова Е. Е. Гастрономическая метафора в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1(29). С. 117 – 120.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2015).
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
11. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
12. Топорова В. М. Типология языковых концептов пространственной формы // Семантика языковых единиц. Доклады VI-й Международной конференции. М., 1996. Т. 1. С. 215 – 218.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Пермь, 2001. 208 с.

14. Шхумишхова А. Р. Стилистические функции кулинарных метафор в спортивном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 2: Филология и искусствоведение). 2011. № 1. С. 165 – 169.
15. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
16. Юрина Е. А. Миромоделирующий потенциал образных средств языка (на материале лексико-фразеологического поля кулинарных образов в русском и итальянском языках) // Образы Италии в русской словесности XVIII – XX вв.: сб. ст. / под ред. О. Б. Лебедевой, Н. Е. Меднис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 271 – 282.
17. Юрина Е. А. Кулинарные образы как средство выражения оценки в русской идиоматике и метафорике // Slovo. Text. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Greifswald, 2012. S. 222 – 228.
18. Юрина Е. А., Грекова М. В. Культурологический комментарий в «Словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «Молочные продукты») // Язык и культура. 2014. № 4(28). С. 126 – 143.

Информация об авторе:

Боровкова Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета, nastya-borovkova@mail.ru.

Anastasiya V. Borovkova – post-graduate student at the Department of Russian Language, Tomsk State University.

(Научный руководитель: Юрина Елена Андреевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета, yourina2007@yandex.ru.

Research advisor: Elena A. Yurina – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Language, Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.